

18+

ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВА

Граф Салюки

Лариса Васильева

Граф Салюки

«Издательские решения»

Васильева Л.

Граф Салюки / Л. Васильева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986307-2

Это история любви крепостной девушки и богатого графа. В счет карточного долга молоденькую крепостную девушку отдают помещику Кукушкину. Тот увозит Варю к себе в имение и выдает за племянницу, скрывая ее происхождение. Он проделывает это, преследуя корыстные цели, ему необходимо чтобы в девушку влюбился граф Воронцов. Красавец граф попадает в расставленные сети, влюбляется, хочет жениться и тут узнает, что его провели. Граф жестоко расправляется с девушкой.

ISBN 978-5-44-986307-2

© Васильева Л.
© Издательские решения

Содержание

1. Сделка	6
2. Граф	14
3. Предсказание	18
4. Натаска	20
5. Сватовство	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Граф Салюки

Лариса Васильева

Редактор Лия Щеглова

Оформление обложки Галина Березовская

© Лариса Васильева, 2020

ISBN 978-5-4498-6307-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Салюки способны догнать практически любого зверя.»

«Все о собаке» Дэвид Тэйлор

1. Сделка

Семен Семенович Кукушкин, помещик средней руки, возвращался с похорон сестры. Она рано вышла замуж и уехала с мужем на север. Сам же Семен Семенович, наоборот, жил далеко к югу от родимых мест. И сейчас, чуть успокоившись после похорон, проезжал по родным местам, вспоминая молодость и товарищей своей юности. Вспомнил лучшего своего друга Илюшу Нестерова, теперь уж Илью Михайловича, и решил заехать к нему. На станции спросил извозчиков, ему подтвердили – да, есть такой, проживает все там же.

Спустя час Семен Семенович въезжал в памятную с детства усадьбу. Все так переменялось или это память подводит? Дом показался совсем небольшим, каким-то однобоким – мезонин высился не по центру. Постройки дворовые оказались низкими, покосившимися. Широкий двор засыпан снегом, но дорожки чисто подметены и посыпаны желтым песочком. На единственной клумбе у входа в дом из-под снега торчал массивный вазон в снеговой шапке и с чубчиком засохших цветов.

Вот кто-то выглянул в окно, на порог неторопливо вышел в накинутом полушубке дворовый мужик, ленивый, заспанный.

– Как прикажете доложить-с?

– Доложи – Кукушкин Семен Семенович.

Не успел лакей скрыться, как появился хозяин, словно он за дверью стоял. Это был седой и лысоватый мужчина, одетый в домашний пиджак с галунами.

Хозяин и Семен Семенович с недоумением рассматривали друг друга. Где тот худенький большеглазый мальчик, которого помнил Кукушкин? И где плотненький, но шустрый, весь как на шарнирах паренек, каким был в те времена сам Кукушкин? На лицах бывших друзей отразилась напряженная умственная работа: трудно сразу признать в незнакомом человеке старого друга. Встретив где-нибудь в людном месте этого лысеющего старика, Семен Семенович никогда бы не обратил на него внимания и не догадался, что это и есть Илюша Нестеров. Илья Михайлович тоже не сразу поверил своим глазам: неужто это и есть Сема, Семушка? Будто заново знакомясь, они обнялись, расцеловались. Илья Михайлович повел гостя в дом. Чтобы скрыть смущение и растерянность от неожиданной встречи хозяин шумно и бестолково восклицал:

– Семен, ну Семен! Ну удружил! Вот так новость!

Потом велел звать жену – с его громким голосом можно было и не беспокоить лакея, и так услышали во всех уголках дома. Выбежали дворовые, столпились в дверях, вышла и жена Ильи Михайловича – Марья Федоровна, черноволосая красивая женщина, до сих пор без единого седого волоса, однако болезненного вида. Распорядились накрыть стол. Постояли, наблюдая как слуги суетятся, бестолково бегают и перешли в гостиную. Наконец нашлись темы для беседы, пошли разговоры о детстве, воспоминания о былых проказах, о друзьях. Илья Михайлович подробно перечислил всех старых знакомых, доложил об изменениях в их семейном положении и о потерянных или приобретенных состояниях. За столом помянули новопреставленную сестру Семена Семеновича, но он сильно не горевал – сказались многие годы жизни на расстоянии, да и по натуре, Кукушкин не был чувствительным человеком. Так что, эта печальная тема вскоре была забыта.

Уж вечерело. Было решено Кукушкину с отъездом не торопиться. Он устал с дороги и спать лег пораньше. На следующий день друзья вновь принялись было вспоминать, но эта тема вскоре исчерпалась. Выслушал гость все рассказы о сыне Ильи Михайловича Николае, о старшей дочери и ее муже, о внучатах, и даже о талантливой дворовой девке Варьке – местной достопримечательности, остались лишь разговоры о хозяйстве, но вникать в хозяйствен-

ные проблемы Нестерова Семену Семеновичу не хотелось, сельского хозяйства он не любил. Деньгами всегда был обеспечен и делами у него занимался управляющий.

Как оказалось, различия между ними стали громадными. Кукушкин был вдов, детей не было, жениться второй раз не захотел, а взял в дом экономку. Его устраивала такая свободная жизнь. Семен Семенович любил сам бывать в окружении веселых, шумных людей, устраивал бесконечные приемы, и у него бывала вся губерния, особенно молодежь. Здесь и в карты играли, и танцевали до утра, охотой занимались с удовольствием.

– Зачем мне жениться? Такую глупость второй раз я не сделаю. Выслушивать вечные жалобы на здоровье? Нет, с меня хватит! Так я сам себе хозяин – друзей принимаю тех, кто мне по нраву, без оглядки на дражайшую половину. Женщины только и думают, что о вареньях-соленьях, а у меня интерес другой – охота.

Так что у Ильи Михайловича ему показалось скучно, и к обеду он пожалел, что не уехал поутру. Хозяин с утра показал ему все свое хозяйство: и постройки, хилые, на взгляд Семена Семеновича, и красавца – жеребца, и коровник с черными пятнистыми коровами, и борзую со щенятами. Илья Михайлович охотой не особенно увлекался, а эту борзую ему подарили, и он не видел в ней ничего особенного. Но все же кобеля нашел той же породы. Нестеров подробно рассказал, как искал его, кто дал адрес хозяина кобеля и как возил свою собаку на вязку, как родились щенята и сколько с ними хлопот. Семен Семенович слушал снисходительно, он себя считал знатоком собак, любил их, постоянно пропадал на своей псарне и сам прекрасно все это знал. Но сука очень заинтересовала его. Порода борзой была необычная – салюки. Потом хозяин оставил гостя, ему надо было распорядиться по хозяйству, и веселить Семена Семеновича призвали Варю – играть на рояле, а если гость пожелает – нарисовать его портрет.

Варе развлекать хозяев и их гостей было не впервой. Она умела быть забавной: показывала в лицах глупую служанку и жеманную барышню. Эту дерзость ей прощали – очень смешно выходило. Образы брала из жизни. Варюха достаточно общалась и с барами, и с их слугами. Насмотрелась. Умела подметить самое смешное и точно скопировать.

Когда Николенька, барский сын, был дома, к ним приезжали соседские дети, и девочку частенько призывали играть в жмурки, догонялки, правда, ей всегда приходилось водить. Веселая Варька придумывала все новые игры, лишь бы не идти на кухню. Дети соседских помещиков к ней привыкли и относились дружески, с ней было веселее, и неприятное в играх было на кого свалить. Варя принимала все с радостью – это было лучше, чем сидеть с вязанием в девичьей или перебирать крупу на кухне. Когда же дети подросли, ее звали если не хватало кому пары, – и для танцев, и для какой-либо игры, а то и для сценки – изредка молодежь устраивала «театр». Барышни охотно слушали Варинины советы, как преобразить надоевшее платье, или вместе выбирали в модном французском журнале фасон, заставляли поправлять растрепавшиеся прически иль и вовсе укладывать заново. Смышленная и наблюдательная, Варя подмечала сразу, что кому пойдет, у нее, как оказалось, имелся вкус.

Варя села к фортепьяно. Гость расспрашивал ее о жизни, есть ли у нее жених да с кем целовалась. Девушка смущалась и весело щебетала, мешая французскую речь с простонародными выражениями. Она была в ударе. Гость похваливал и смеялся. Варя покраснела.

– А что же ты, Варька, французский язык знаешь, а по-русски грамотно не говоришь?

– Так вы же, барин, меня кличете Варькой, коли называли бы Варварой, так я бы и говорить стала по-другому, – важно произнесла совсем осмелевшая Варя.

– Ну что же, Варя, покажи теперь, как ты рисовать-то умеешь, – улыбался Семен Семенович.

Но портрет получился не очень похож.

Тут вернулся Илья Михайлович.

– Ну, как наша Варька? Забавна? Не зря говорят – талантлив русский народ. Вот крестьянка, а и грамотна, и музицирует, и по-французски знает. Все дело в том, что некому их учить. Учить-то надо пока ребенок мал. Сам еще не хочет трудиться, а родители не заставляют, оттого что думают – мы не грамотны, так зачем и ему грамота? Варька попала к нам в дом и вместе с Николенькой выучилась, а так точно ничего не умела бы. Знай только корову доить да вязать носки.

Семена Семеновича разговор этот не заинтересовал, он и сам думал – зачем крестьянам грамота?

– И сколько вашей... – он помедлил, – барышне лет-то? Замуж, небось, пора.

– Как Николеньке, восемнадцать стукнуло. Да куда ей замуж, она же как дитя, пусть резвится... – говорить на эту тему хозяину не хотелось, он и сам знал, пора пристроить Варьку, да все тянул, жене скучно будет без нее.

Илья Михайлович поспешил сменить тему:

– Не сыграть ли нам в карты? – предложил он.

– С удовольствием.

Они начали по маленькой, и все увеличивали ставки. Просто поразительно, как Илья Михайлович, человек благоразумный, никогда прежде не игравший на крупные суммы, мог так увлечься. Он проиграл. Грустно прикидывал, как скажет жене, от чего им придется отказаться и как об этом узнает сын. Семен Семенович заметил, как расстроился хозяин, понял, что денег лишних у того нет, и ему стало неловко за свой выигрыш.

– Послушай-ка, Илья, мы играли в шутку и отдавать ничего не надо, это так, только от скуки перебросились, не порть нашу дружбу денежными делами. Забудь о картах.

Но хозяин уперся:

– Долг есть долг, проиграл, так отдам.

В комнату влетела Варюха.

– Барыня просили узнать, не подать ли вам чаю с кулебякой?

Хозяин не сразу оторвался от своих мыслей. А Варя не стоялось на месте. Она елозила по полу, крутилась из стороны в сторону в своих валеночках. В людской пол был холодным, и Варя ходила в обрезанных валенках. Они скользили по гладкому полу, и сейчас ей хотелось разбежаться и проехать по всей зале, но она не решалась при хозяине и его госте. Семен Семенович залюбовался ею. Щечки у нее румянились, вокруг высокого лба вились светлым ореолом выбившиеся прядки волос. Вроде не красавица, но очень даже ничего. Губки пухлые, носик неправильной формы, с маленькой горбинкой посередине, а кончик чуть-чуть вздернут. И фигурка не идеальная: плечи прямые, чуть широковаты, талия тонкая, узкие бедра – в ней было что-то мальчишеское, а смотреть все равно приятно. Конечно, мужчине за пятьдесят понравится любая юная девушка восемнадцати лет, но эта очень привлекательна. Не дождав-шись ответа, Варя начала снова:

– Барыня просят...

– Да ступай, ступай, егоза, скажи, пусть накрывают, сейчас придем.

Варя крутнулась на месте и выскочила из комнаты, слегка поскальзывая, словно на коньках.

Вдруг гостя осенило:

– А давай-ка мне, Илья, в счет долга Варю. Да я еще тебе и добавлю за нее...

Нестеров был поражен.

– Ну, брат, ты того... Она-то у нас как дочь, право, и Николеньке как сестра. И Марья Федоровна ее любит, сама ее музыке учила. А ты хочешь забрать для... развлечений.

И в самом деле, в их дом Варька попала сразу после рождения. Мария Федоровна Нестерова была в годах, когда господь послал ей сына. После первенца – дочери все последующие дети умирали в младенчестве. Дочь была уже замужем и внуки уже были, когда родился Нико-

ленька. Здоровье Марии Федоровны было слабым всегда, а похоронив трех младенцев, она и вовсе упала духом. Решила, что бог ее наказывает за что-то, и к ребенку лучше подходить пореже. Была найдена кормилица – Улька, крепкая молодуха, родившая первенца, девочку Варьку, недели три назад. Девочка была здоровенькая, но уж слишком горластая. Няньке с детьми отвели дальнюю комнату в противоположном от покоев помещицы крыле. Ульке строго было наказано беречь барчука, а коли с ним что случится, то же будет и с ее девчонкой. Потому Улька со страху и кормила всегда сначала барчука, а свою дочь тем, что осталось, – хоть голодная будет, да живая. Барчук, видно, передел, рос увальнем. Варя и пошла быстрее, и говорить начала раньше, а Николенька тянулся за ней. Они все время были вместе. Годам к трем Ульяна уже внушила дочери, каково ее место, и строго-настрого запретила обижать барчука и перечить ему. Но тому все равно доставалось от шустрой девчоночки, когда их никто не видел. Мальчишка оказался стойким, ябедничать не бегал, громко не ревел. Кукол детям велели не давать, чтобы барчук рос с мужскими играми: солдатиками и саблями. Родители не видели, как Варька заворачивала деревянного солдатика в тряпочку и баюкала, да еще и барчука заставляла нянчить «дите», а то и самого наряжала в платок: «Будешь моей доченькой». Девочка была затейница, не удивительно, что Николая скучал без нее. Молока у кормилицы было много, и она прикармливала детей до трех лет. Когда им исполнилось по пять, Ульяна родила второго ребенка и ее отправили назад в деревню, а в няньки определили бездетную Дарью. Варю отправили с матерью, но барчук так разревелся, что слышно было в другом крыле дома. Барин и барыня, хоть особо часто и не бывали в детской, но долгожданного сына любили, и Варюху тут же вернули в дом. Они и сами к ней привязались. Первое время Ульяна приходила навещать их, но домашние заботы, младенец не позволяли часто отрываться от своей избы, а через год родила третьего, Варя отвыкла от нее.

С новой нянькой Варьке жилось похуже, все же не мать. Конечно, приходилось помогать и на кухне, и в доме, когда барчук спал после обеда или когда его увозили в гости. Кухарка гоняла ее то в погреб, то на огород, то в кладовую. Но когда он был дома и учился или играл, Варя была рядом с ним. Няньке было удобно, когда девочка играла с ее подопечным: можно было отвлечься, поглядывая, лишь бы были рядом. Они носились с деревянными саблями по всему дому, съезжали по перилам. Летом купались в тихой речке под присмотром няньки. Как-то зимой, тогда им было лет по шесть – семь, Дарья заболталась с поварихой, а дети придумали новую забаву – катались с крыши курятника на салазках. Зима была такая снежная, что низенькие постройки с задов заносило снегом вровень с крышами: курятники в деревне строились низкими, чтобы птица зимой не мерзла. Варюшка и Николая выбили ступеньки в снегу и вместе с салазками поднимались на крышу сарайчика, а оттуда съезжали вниз, как с горы. Настоящих горок вокруг было полно, но съехать с сарая было интереснее. Варя, как всегда, поднималась первая и тащила потом наверх неуклюжего барчука. В очередной раз она первая съехала вниз. Николаша все медлил, не мог отважиться. Варька успела снова влезть на крышу, а он все сидел на санках, не решаясь оттолкнуться. Варька и подпихнула слегка его санки. Мальчишка не ожидал такого коварства и от неожиданности не справился с салазками: они вильнули в сторону и Николая завалился набок, в сугроб. При этом он умудрился ткнуться носом в засыпанный снегом пенек. Пошла кровь. От ее вида Николая разревелся, прибежала нянька, отругала Варю:

– И что за девчонка, всегда нашкодничает! Ступай на кухню, перебирай горох. Вот я барыне расскажу, что ты удумала, поставят они тебя на тот горох коленями али высекут.

У Вари полились слезы от такой перспективы. Николая прервал свой плач на минутку и сказал Варе:

– Я перестану плакать и тебя позову, – и принялся орать еще громче.

Варя поплелась на кухню. На этот раз ее и в самом деле крепко высекли – барыня испугалась за сына. Няньке, правда, тоже досталось... Крыша у сарайчика хлипкая, мог провалиться,

покалечился бы сынок. Наказывали Варю и раньше, но сейчас отчего-то особенно больно и обидно, утешить ее было некому. Когда Николая позвал ее, она пришла грустная, со слезами, играть не хотела. Николай пожалел, что так громко ревел.

Позже к барчуку был приставлен Прошка, ловкий малый, – учить плавать, стрелять, верховой езде. Разумеется, и Варя рядом. Прошке было смешно – девчонка, а ровно парнишка, и ради смеха научил ее и плавать, и скакать на лошади.

Николаше выписали маленькую лошадку, пони. Варя аж приплясывала от нетерпения:

– Давай я сяду, давай я...

– Я те сяду, – ворчал Прошка, – лошадка для барина, а не для всяких дворовых девок.

Николеньке было страшно, и он велел сесть Варю. Та радостно сделала круг верхом и предложила:

– А садись впереди, я тебя буду держать.

Николашка теперь осмелел, и ему тоже захотелось сесть на лошадку. Прошка посадил его перед Варей. Они тихонько сделали круг, еще один, а потом Варю стало скучно так медленно кататься, и она шлепнула пони босыми пятками по бокам. Лошадка резко скакнула, дети не удержались и сползли на землю. Варя, конечно, не стукнулась, а Николай набил себе шишку. Но ни он, ни Прошка так и не рассказали няньке, отчего у него появился фонарь на лбу. И хотя Николенька с годами перестал выдавать ее, Варьке все равно попадало – все и так знали, кто был зачинщиком всяких проказ.

Старшая дочь Нестеровых, видя как родители балуют Варьку, стала отдавать ей всю одежду, из которой вырастала ее девочка. Поэтому Варя всю жизнь одевалась, как барышня.

Барыня все хворала, а барин был постоянно занят. Доход его хозяйство давало небольшой, зато внимания требовало постоянно. Илья Михайлович любил почитать о разных новинках и у себя пытался завести что-то новое, но ему не очень везло. Сыну рано выписал французенку. Мадам учила французскому и, как могла, музыке. Только учить ей пришлось сразу двоих: Николай отказался сидеть за уроками без Варьки. Мадам раньше воспитывала девочек, и ей было привычнее заниматься с ней: показывать, как надо войти, как присесть, как держать осанку, следить за манерами за столом. Иногда она в шутку наряжала малышку в свои платья и закалывала ее волосы в прическу.

Потом появились учителя математики и истории. Деревенской девчонке пришлось засесть за уроки. Николай ленился учить и требовал, чтобы сначала спрашивали Варьку, он прослушивал ее ответ, вспоминал и готов был отвечать. Учителей это тоже устраивало – от дворовой проще требовать прилежания, чем от барчука. Можно розгами ожечь безобразно. Очень уж злобным был учитель математики – с удовольствием сек девчонку за любую шалость или не выученный урок. После порки ей не хотелось играть, со слезами на глазах она сидела над примерами. Мальчишке было скучно ждать, пока она все решит, и он тоже садился за уроки. Грамота ему давалось легко. Став постарше, Николай начал заниматься сам, да, бывало, поглубже, чем давал учитель. Варя же всегда учила «от сих и до сих» и быстро отстала от него в знаниях.

Музыку барчук невзлюбил, и стоило французенке выйти, как Варька подменяла Николая, садилась за рояль не прерывая гаммы. Николай быстро понял, что мадам выходит в коридорчик перед детской, когда там появляется Прохор. И Прошка стал получать от барчука две копейки в неделю, чтобы всякий раз, услышав музыку, бежал к детской и вызывал мадам в коридор. Прошка зарабатывал, мадам флиртвала, Варя играла, а Николай читал. Все были довольны. Мария Федоровна заметила тягу девочки к музыке и с удовольствием занималась с ней сама, чем и гордилась.

Когда соседи Нестеровых начали устраивать детские праздники с танцами, Мария Федоровна настояла на приглашении учителя танцев – не хотела, чтобы сын неловко подпирал стены

на балах и приемах. Илья Михайлович, хоть и считал танцы ерундой, учителя все же пригласил. Варя была партнершей в танцах, так и научилась танцевать.

Когда Николая уехал, в доме стало тихо и скучно. Барыня заставляла Варю развлекать ее: играть на фортепьяно, читать женские журналы, а если не было свежего журнала, то и скучные газеты. Вечерами к ним присоединялся Илья Михайлович, и часами Варя просиживала с барыней и барином за картами. В карты Варя играла хорошо, но боялась слишком часто обыгрывать господ – могли прогнать на кухню. Не хватало ей скачек на лошадях, фехтования и просто шумных игр в веселой компании помещичьих детей – ездить с детьми к ним перестали. Николая уехал, а Варьку в расчет не брали. И возраст у детей подошел опасный: не дай Бог кто влюбится в дворовую девку. Оно-то и ничего страшного, если бы девка была обычная – пусть бы и порезвился недоросль, но хозяева нянчились с Варей, и ссориться с ними никто не хотел.

Наконец на Рождество приехал Николая. Он повзрослел, возмужал. Изменилась и Варя. Оба смутились этим переменам, увидели друг в друге уже не просто товарищей детских игр. Он много рассказывал о своей жизни вне дома. И все каникулы они то катались на санях, то с мужиками ездили на охоту, просто играли в снежки, а устав, слушали Варюхину игру на рояле да перебрасывались с матерью в картишки.

Так же радостно встретились они летом. В конце лета, незадолго до отъезда Николая, они отправились прокатиться на лошадях. Возле маленького стожка сена у проселочной дороги Варя соскочила с лошади.

– Я хочу забраться наверх, – она подбежала к стожку, но сено было сбито плотно и ей не удавалось влезть на него.

– Ну что ты придумала, – заворчал Николая, а сам покорно слез с лошади и подошел к ней.

– На, становись, – он наклонился и подставил ей свои сжатые руки.

Варя наступала ему на руки, но все равно каждый раз срывалась – стожок был высок. Распалившись, взрослые дети принялись выдергивать пучки сена, делать в стогу углубления – ступеньки. Взобравшись наконец наверх, они стали подталкивать друг друга и скатываться вниз, потом снова влезали на стожок. В пылу забавы они на секунду-другую прижимались друг к другу, каждый раз смущаясь. Но их тянуло вновь испытать это незнакомое волнение. Сердца у обоих колотились часто-часто. Стожок был весь растреплен. Мужик, ехавший мимо на телеге, остановился и осуждающе покачал головой.

– Эх, барин, и вы, барышня, – он видно не узнал Варюху, – что же вы балуете? Сено-то для коровки припасено. Чем же кормить скотину зимой? Э-эх, барье...

Он поехал дальше, все продолжая укоризненно качать головой и что-то ворча, а Ник расхохотался:

– Ой, «барышня», ты – «барышня»!

Варе это не показалось смешным, она вскочила, схватила пук сена и бросила его в Николашу, обсыпав его с ног до головы, да они и так все были в сене. Скатившись со стожка, она взлетела на свою лошадку, но Николая не побежал за ней, а стал подбирать разбросанное сено, забивать пучки кулаком в стог, оглаживать его. Варя проехала чуть, оглянувшись и вернулась. Снова спустилась с лошади и стала помогать ему. Потом они столкнулись лбами, опять расхохотались и кинулись к лошадям. Варя ускакала первой, Николая еле догнал ее.

– Стой-ка! Дай я сено выберу у тебя из косы.

Лошади смиренно стояли рядом. Варя ерзала, сидеть ей было колко – сено набилось не только за шиворот, но и под юбку, и в юбку – кололо сквозь ткань. Николая отряхивал Варю, щечка ее была совсем близко, румянец пробивался сквозь ровный загар, глаза сверкали, и он вдруг чмокнул ее в щеку. Варя зарделась и пустила лошадь рысью.

Через два дня барчук уехал. Воспоминание об этом поцелуе до сих пор тревожило молодую девушку, заставляло быстрее биться ее сердце.

Родители видели, что детей тянет друг к другу, но ничего не предпринимали. Считали, что они слишком молоды, Николая уедет, а в разлуке забудет Варю. Удалять Варьку из дому не хотелось, они привязались к ней. Да и куда ее? И не крестьянка, и не барыня.

И вот сейчас эту девочку, почти что дочь, предлагают отдать, словно какую-нибудь телку.

– Как же я могу ее отдать за карточный долг?!

– Э-э, брат, ты не торопись, подумай: чем ей лучше будет у тебя? Ей уж замуж пора. За кого ты ее отдашь, за мужика? Помещик-то никакой ее не возьмет – все знают, что из крепостных. А я никому не скажу, кто она, все ее будут принимать за мою племянницу, якобы сестры моей дочь. Будет жить как барышня. И отпишу пожизненное содержание. А что ты с ней дальше будешь делать? Что ж ей так и сидеть вековухой при вас? Так и не удержишь, не привязывать ведь. Иль ты ее для сына бережешь? Меж ними, небось, уж искра пробежала? – Семен Семенович был удивлен возмущением друга.

Он сам никогда не испытывал душевных тонкостей и не ожидал их найти в других.

Илья Михайлович хотя и возмущился, но понимал, что друг был прав. Нестеров опасался, что его сын женится на Вареньке, в сущности простой дворовой девке. Сына он хорошо знал и был уверен, что Николая любовницей ее не сделает. А им очень нужна была невеста с приданым.

Что же, может быть, это и выход.

Он пошел к Марье Федоровне. Каяться в проигрыше было легче, когда уж виден был выход из создавшегося неприятного положения. Конечно, Варя славная девка, и вроде как-то нечестно отдавать ее в содержанки старику, но своя рубашка ближе к телу. Жена была сначала шокирована, отдать Варьку в любовницы? Но Илья Михайлович разъяснил ей выгодность такого предложения, так ей все обрисовал, что выходило, и без проигрыша надо было бы Варю отправить подальше. Будь у них времени на размышление побольше, не отдали бы девку, а тут от неожиданности, сломленные напором гостя, хозяева с ним согласились.

Утром Варьке объявили хозяйскую волю. Она стояла как громом пораженная. Дали полчаса на сборы, уложили в сани продукты на дорогу, подарили новые полушубок и шаль, чтобы не замерзла в пути, да и отправили побыстрее, чтобы не передумать. Варя не подошла к хозяйской ручке, молча села в сани, только в глазах блестели слезы. Малышкой она бегала к барину Илье Михайловичу жаловаться на Николеньку, барин посмеивался – ишь, шустрая, не понимает еще, что здесь все принадлежит Николеньке, и она сама тоже его собственность. Но сыну велел делиться игрушками: хочешь играть, так не жадничай. Барыня была более строга, но зато после отъезда сына сильно привязалась к девушке – Варя стала для нее вроде компаньонки. И эти люди, которые всю ее сознательную жизнь заботились о ней больше, чем родная мать, продали ее.

Перед отъездом Семен Семенович решил купить щенка борзой суки. Вчера еще Илья Михайлович, видя такой интерес гостя к собаке, хотел ему подарить любого из щенят, преподнести перед отъездом на память, но сейчас, злясь и на себя, и на Кукушкина за то, что пришлось пойти на подлость, отдать за карточный долг Варьку, можно сказать, продать близкого человека, – уперся и не хотел не то что дарить, а и продавать щенка. Семен Семенович не ожидал отказа, и от этого ему еще больше захотелось привезти из такой дали кутенка на завод. Хотя у него полная псарня, но то все были русские борзые да гончие, а вот салюки не было. Потом Илья Михайлович все же устыдился своей злости: гость-то при чем, сам же сел играть в карты – и согласился продать щенка. Цену заломил, по его понятию, немалую. Семен Семенович из форсу отдал вдвое больше. Тут же принесли кобелька. Сделка состоялась.

Дворовые глядели вслед повозке, кто жалея Варьку, кто завидуя ей (неизвестно что впереди, но все-таки перемена, мир посмотрит), а кто и злорадствуя: ее положение слу-

жанки-барышни кое-кому было поперек горла. Но для всех такой конец ее привилегиям был неожиданным.

Усадьба осталась позади, потом и ближнее село проскочили, выехали на большак, и замелькали версты. Барин лениво оглядывал окрестности.

Вдоль дороги стеной стояли леса, запорошенные снегом. «Хорош лес, хорош! Такой бы да в нашу губернию, это почем же его там можно продать? Строевой, ишь, сосны какие – ровненькие, стволы – один к одному. Прежде чем продать, его еще довезти к нам надо будет, а перевоз ого-го во сколько обойдется». За морем телушка – полушка, да рубль перевоз... Чем дальше отъезжали, тем меньше становилось лесов, сосны и ели сменились на березу да ольху. И вот уж леса не стеной стоят, а видны лишь вокруг полей да где-то вдали, да узкие долины речушек заросли кустарником да ивой. Все больше поля да луга. А то село какое проедут... Варя все сидела молча, слезы текли по щекам. Кукушкин ей не мешал. Они где-то останавливались, меняли лошадей, ели что-то, ночевали на постоялых дворах.

Семен Семенович всю дорогу занимался своим щенком. То кормил его, то укутывал. Своей игрушкой был очень доволен. Щенок ему нравился все больше и больше. Смышленный оказался. Как только ему удавалось, лизал хозяина в нос, Семен Семенович со смехом уворачивался. Он и сам готов был облизать щеночка. Его только удивляло, что Варька не хочет возиться со щенком, а уж такой он забавный!.. Да за такого славного можно было и больше отдать. Пожалуй, весь карточный долг мог бы простить. Не знает Илья цены своей суке.

Подъехали к уездному городу П. Семен Семенович велел сделать небольшой крюк и проехать по главной улице городка. У модной лавки сани остановились. Он хотел приодеть Варю, чтобы его прислуга сразу приняла ее за барышню. Та безучастно мерила платья, сапожки, пальтишко, отороченное мехом. Продавщицы суетились вокруг нее, клиентка была выгодная – купить-то обещались много, а барышня никаких придинок и капризов не устраивала.

Ночевали на постоялом дворе, а на следующее утро барин велел надеть обнови, причесться по-модному, почаще говорить по-французски, а если уж по-русски надо, так грамотно и за стол посадил с собой. Варька совсем засмушалась, но он подбадривал ее.

– Давай смелее, только о манерах не забывай, ешь как барышня. И никакой Варьки больше нет. Ты теперь будешь – Варюша, моя племянница, сирота. Поскольку едем с похорон, никто к тебе с разговорами приставать не будет, и сама ни с кем не заговаривай, о своей жизни прошлой никому не рассказывай. Коли не хочешь, чтобы жизнь твоя в моем доме с порки началась, – жестко добавил он.

Варя хорошо запомнила распоряжение барина, поняла, что больше с ней нянчиться никто не будет: хотя и придется изображать барышню, а место свое знать надо. И с этого момента она никогда не забывала этого приказа. Ехала дальше в санях с барином уж не крепостная девка, а молоденькая миловидная девица, в ботиночках на каблучках, капоре с мехом и пальто. Но все такая же грустная.

Ей вспоминалась ее жизнь в усадьбе Нестеровых. Что и говорить, с рождения ей везло – жила, как барышня. А в голове все крутились строчки единственного заветного письмаца от Николая: «Моя милая Варенька, как мне не хватает тебя здесь... Как бы снова хотелось промчаться на лошадях рядом с тобой по лугу. Помнишь стог?» еще бы не помнить...

2. Граф

Кукушкин понял, что подумал Илья Михайлович о его намерениях, но не стал разубеждать. В голове у него роились смутные планы, однако он сам еще не знал точно, как использует девчонку. Варя была нужна ему не для себя.

Дело в том, что он был заядлым охотником. И хотя имение было обширным, все портил чужой лесок, клином врезавшийся в его земли. И казалось Семен Семеновичу, что вся дичь с его земель стекает в тот лесок. Не раз предлагал соседу хорошие деньги за него, но тот все отказывался. Избалован был Семен Семенович, ни в чем себе не отказывал, а тут вдруг на таком пустяке заело. Друзья и не подозревали, на какую обширную, саднящую рану сыплют соль, когда сожалели об упущенной дичи, сбежавшей в запретный лес. И ведь сосед тот, граф Воронцов, и не охотился вовсе.

Вот с помощью Вари и хотел он уговорить графа. А как именно, и сам еще не представлял. Он продумывал различные варианты, но всегда выходило, что сосед должен влюбиться или хотя бы сильно заинтересоваться Варькой. Это шло первым пунктом. Затем можно было дело повернуть по-разному: «Если откажется продавать лесок, не отдам Варьку. Если же согласится на продажу, подарю ее и расскажу всю правду. Если цену заломит большую, так и я за Варьку потребую много. Как же заставить его влюбиться? И что это девка так уж печалится? И обновкам не рада... Влюблена, небось, была в барского сынка. Ну, это время лечит. А как же соседа-то из дома вытащить? Вот тоже вопрос».

Сосед его, граф Сергей Иванович Воронцов, все детство провел за границей. Жизнь вел там веселую, в смысле амурных дел. С 14 лет Серж начал влюбляться. Пару раз обжегся, его избранницы вдруг предпочитали других, более богатых кавалеров, ему же отец выдавал довольно скудное пособие. Когда отец умер, графу пришлось вернуться в Россию, в имение, и разбираться с делами. И тут был приятно удивлен – он богат. Строгий отец не хотел баловать сына и оберегал его от охотниц за деньгами. Но жаль рано умер, сын еще не обрел необходимой твердости, не закалился.

Серж был довольно высокий, худой; нос слишком велик, скулы просто обтянуты кожей; слегка сутулился вроде. Сначала он никому не показался особенно привлекательным. Лишь сразу отметили красивые серо-голубые глаза, изящные брови и губы. Ему было тогда всего 21 год от роду. Молодой человек оказался пылким, влюбчивым, сходу влюбился в Полину С.. Так случилось, что друзей в местном обществе он не успел завести, потому, некому было рассказать графу, что она собой представляет. Не нашлось ни одного доброхота, хотя о ней уж вся округа судачила. А может, он что – то знал, да поверил в великую силу своей любви. Ну не он первый так ошибается.

Полина жила в доме своего опекуна В.И.. Опекун, человек веселый и добрый, но безалаберный, свои обязанности понимал только как управление имущественными делами подопечной, ни о каком воспитании речи не шло. Жена его была вздорной, болтливой и пустой женщиной, поэтому Полина оказалась предоставлена самой себе. У нее были очень хорошая родословная и состояние, по завещанию отца управлять им должен был ее будущий муж. Поэтому В. И. не спешил вывозить ее в свет, а когда старший сын стал поглядывать на девушку, очень даже это одобрил. Ободренный сынок усилил натиск и как-то даже неожиданно для себя получил все доказательства ее любви. Но потом выяснилось, что Полина доказала свою любовь и его младшему брату, и денщику отца, потом кому-то еще. Все выплыло. Хоть и жаль было приданого, но такой жены своим сыновьям В.И. не желал. К этому времени Полине уж было 25 лет. В.И. стал усиленно наверстывать упущенное – вывозить ее в свет. Товар, который берег для своей семьи, оказался подпорченным, и нужно было побыстрее сбыть с рук. Но это оказа-

лось не так просто. Кто-то проговорился, слух просочился, и претендентов на руку наследницы пока не находилось.

Тут-то и появился граф Воронцов. Все общество с интересом наблюдало за событиями. Эта тема была просто неисчерпаема. В.И. вдруг стал очень строгим, не позволяя Полине отходить от себя ни на шаг. Угрозами заставил ее вести себя тихо и скромно. Никаких записок и свиданий, только в присутствии опекунов. Серж был влюблен и не замечал перешептываний и усмешек. Преграды подстегивали. Он сделал предложение, и оно было принято. Свадьбу сыграли незамедлительно.

Первое время молодые были очень счастливы – за границей граф освоил не только науки, преуспел и в других делах, учительниц у него было много. Влюбленный и опытный муж – для Полины это был просто дар богов. Блаженство длилось почти полгода. За это время о них уж даже перестали судачить. Но вот к ним заехали друзья графа по дороге из Италии. Заехали на пару дней... но задержались надолго. Образ жизни Воронцовых очень к тому располагал. Гости гуляли, где хотели, требовали обед, когда хотели, играли, пели, пили вино. Такая вольная, веселая жизнь не могла не сказаться. Поскольку граф вынужден был отлучаться по делам, его молодая супруга проявила благосклонность к одному из гостей – неженатому. Этого, может, и не заметили бы, но потом ее потянуло к другому гостю. Жена его подняла шум. Серж вызвал друга на дуэль. Друг знал, что граф прекрасно стреляет, и решил тихо уехать, так сказать, по-английски, не прощаясь. Его жена благоразумно промолчала: измена изменой, но стрелять в ее мужа – это уж слишком жестоко. Они уехали. Когда разразился скандал, Полина впервые увидела своего супруга в гневе, да еще заметила явный страх его друзей. Она испугалась и всю ночь просидела на сеновале. Он ее и не искал. Ночь на свежем воздухе не прошла даром, Полина заболела. Граф проявил понятное равнодушие, докторов не звал, больную не навещал. Болезнь меж тем оказалась серьезной, и когда все же послали за доктором, было уже поздно. Полина умерла. А Сергей Иванович стал еще богаче.

Сергей Иванович жену очень любил, и потому, как бы сильно ни был оскорблен в лучших чувствах, даже спустя пару лет все равно скучал и сожалел о ней. Но на остальных женщин почему-то сильно обиделся и решил их презирать. Теперь у него появилось множество знакомых, в компании веселых молодых людей было проще выполнять свое решение.

С годами он сильно изменился. Куда девались юношеская мечтательность и влюбчивость. Ему приходилось вести большое хозяйство, и его материальное положение только упрочилось – голова у него работала хорошо. При таких нагрузках поневоле пришлось упорядочить свою жизнь. Размеренная жизнь, занятия спортом вызвали ряд перемен в его внешности. Он возмужал, теперь это был сильный, худощавый, но крепкий мужчина, а не хрупкий юноша. Несмотря на крупный нос, его стали считать красивым, да он и был таким. Обаятельная улыбка, физическая сила и достаток привлекали к нему внимание. Дамы пытались очаровать его всеми силами, не всегда укладываясь в рамки морали, что подтверждало его мнение о женщинах вообще. К тридцати годам граф приобрел несколько надежных друзей: Льва Абрамовича Немцова, Половцевых Аркадия Петровича и его жену Анну Николаевну. И репутацию сердцееда. Последнее далось ему без труда. Он на самом деле ни в кого больше ни разу не влюбился, но была у него одна черта – в каждой женщине видеть что-то привлекательное. И Серж не забывал сказать ей об этом. Поскольку граф искренне так думал и говорил очень убедительно, не повторяясь ни разу, ему верили. И в благодарность за такие комплименты влюблялись в него. От молодых девушек граф старался держаться подальше, зачем ему неприятности, жениться он больше не хотел, а вот замужние дамы подвергались нешуточным испытаниям. Трудно устоять, когда красивый молодой человек говорит о своем восхищении, хотя бы только кистями рук, но говорит так, словно у других женщин рук вообще нет; когда его губы прямо-таки вызывают желание поцеловать их; а глаза... нет слов! Словом, стоило лишь даме чуть-чуть благосклонно взглянуть на графа, как он удваивал свои усилия и добивался свидания...

если это не мешало его делам – дела у него были на первом месте. Но уж в постели он старался доставить удовольствие даме, слава Богу, природа одарила его богатыми возможностями к тому. Эти его способности как-то не зависели от возраста и внешности дамы, он восхищался всеми и всем, позволившим ему это, доказывал свое восхищение. Правда, больше всего он восхищался верностью и преданностью женщины своему мужу, но об этом как-то забывалось. Даже если он ни разу потом не повторял приглашения, у дамы оставалось впечатление полученного подарка. Каждая считала, что ее-то он полюбил бы, если бы Полина не разбила ему сердце. Его прозвали «французский любовник», то ли из-за долгого проживания за границей, то ли за умение доставить истинное наслаждение каждой, хотя бы и просто комплиментами. Слуги у него были вымуштрованы, ни один никогда не произносил имени гостя графа за пределами графского дома, даже в состоянии полного опьянения, – граф мог быть очень суровым. Если же случался перерыв и не было никакой вдовушки, горевшей желанием утешить разбитое сердце или прибрать к рукам его приличное состояние, то Сергей Иванович довольствовался дворовыми девками и не считал, что они хуже богатых сумасбродок. Больше всех он выделял Любаху. Она очень гордилась этим, и отстаивала свою привилегию согреть графа в постели. Те же, кто все-таки тоже попадал туда, несмотря на тайное и энергичное сопротивление Любахи, вспоминали об этом с удовольствием. Среди слуг была известна его кличка, и женская половина челяди считала ее заслуженной.

Вот ему-то и вез Кукушкин свою находку, заранее посмеиваясь. Он представлял себе, как, только лишь заметив благосклонный взгляд графа в сторону Вари, вручит ему девушку. Семену Семеновичу казалось, что это будет очень весело, нужно только, чтобы все сочли ее принадлежащей их кругу. Тогда такой подарок будет просто поразительным. Но сосед у него бывал редко. Надо будет как-то заманить его к себе.

Показалась усадьба Кукушкина. Он велел притормозить и стал с гордостью показывать Варю большой двухэтажный белый дом, крытый красной черепицей и окруженный высокими деревьями, хозяйственные постройки в стороне, большой парк, хотя это был скорее уж сад – деревья большей частью были плодовые. Куда там Нестерову до него! Различие в их положении чувствовалось сразу, еще на въезде в усадьбу. Дорожки-то здесь были все мощеные, широкие. И ко входу вела аллея. Только название «Никольское» не нравилось ему. Вот у соседа деревню называли «Воронцовка», по фамилии барина. Но с фамилией «Кукушкин» только и ждать, что прозовут деревеньку Кукушкой. Пусть уж остается Никольское...

– А летом-то какая здесь красота! Скульптуры выставят, скамейки расставят, душа радуется!

Экипаж въехал на барский двор. Вся дворня высыпала навстречу. Кланялись, улыбались, на кухне уж ставили самовар. На ступенях, меж белых колонн, в красной цыганской шали с цветами стояла экономка Евдокия. Она кланялась, слабая улыбка скользнула по губам.

– Вот, Варя, знакомься, это Евдокия, она у меня за все в доме отвечает и всем тут распоряжается. А ты, Дуся, береги мою племянницу. Она сирота, будь ей матерью, – Семен Семенович оглядел дворню, все ли слышали. – А теперь – главное. Полюбуйтесь, кого я привез, – Он поставил на пол щенка. – Ишь, какой красавец. Назову-ка я тебя Граф. Ну, как тебе кличка? Граф, Граф, ах ты мой красавец!

Он опустился на корточки и умильно чмокал губами щенку. Щенок, и правда, был хорош: черный с рыжими подпалинами на груди, шерсть на ушках уже сейчас была кудрявой и длиненькой, он забавно вилял длинным хвостиком, лизнул хозяина в щеку, потом принялся обнюхивать ноги дворни и осматривать все вокруг. Семен Семенович все играл со щенком, на свою племянницу внимания не обращал. Дуся посмотрела—посмотрела – Варя стояла потерянная, грустная – вздохнула да и повела девушку в дом, выбирать ей комнату, обустроить все для нее.

А хозяин велел позвать Петьку – псаря. Они полюбовались уже вдвоем на щенка, обсудили куда его поместить, да чем кормить, да с кем ему играть, и наконец Петька унес молоденького Графа, красавца – салюки.

3. Предсказание

Евдокии было лет тридцать. Семен Семенович знал, что она вдова, но не знал, что вдовела она уж дважды. История эта была какая-то темная, странная. Евдокия по большой любви выскочила замуж за поручика-кавалериста. Жили они в гарнизоне в городе Н.. Прошло года три, любовь стихла, детей не было, постепенно стали учащаться ссоры, и как-то сгоряча пожелала Дуся своему мужу скорой смерти. В тот же день на стрельбах в результате несчастного случая муж ее и погиб. Евдокия сильно убивалась, и мужа было жаль, все же неплохо с ним жили, не бил ее, а себя еще жальче было – куда теперь одной-то? Ту ссору слышал денщик мужа и в ярких красках пересказывал ее всем подряд. Но Дуся была хорошей женой офицеру: верная, хозяйственная, и готовила вкусно, и в доме было чисто, и экономна. Погибший муж всегда отдавал ей должное, супругой своей гордился. И потому через полгода, несмотря на рассказы денщика, нашелся другой претендент на ее руку.

Она вновь вышла замуж. И тоже вначале жили прекрасно. Новый муж, Григорий, оказался замечательным человеком. Будь они просто друзьями, никаких недостатков в нем Дуся бы не заметила, но ведь у близких людей малейшие погрешности становятся видны, словно на них смотришь через увеличительное стекло. А он сильно любил лошадей и все свободное время тратил на них. Больше, чем на жену. Евдокия вроде бы и привыкла распоряжаться своим временем свободно, но все же обижалась иногда и как-то в сердцах пожелала:

– Да чтоб ты свалился с нее!

– Нет такой лошади, чтоб меня сбросила, – только засмеялся муж.

– Да, Григорий лучший наездник в отряде, он и захочет – не упадет, – поддержали его друзья.

И надо же такому случиться: спустя пару часов весь отряд на лошадях проезжал мимо лесочка, и вдруг ворона, что ли, вылетела из куста, лошадь Григория испугалась, дернула в сторону. Григорий наткнулся глазом на сучок и уж мертвым, с обломившимся суклом в голове, продолжал сидеть на своей любимой лошадке – лошадь его так и не сбросила.

Понятно, после этой истории весь гарнизон был в шоке. Припомнили смерть первого мужа – тут уж денщик постарался да еще и приукрасил от себя. Евдокию чуть ли ни ведьмой считать стали. Подружки к ней забегать перестали, некоторые вообще при виде ее глаза отводили, не здоровались, бывало, и на другую сторону улицы переходили – боялись что и на их мужей беду накличет. Житья ей в гарнизоне не стало, вот и решила она уехать к сестре, тем более что Марфа Евдокию сразу к себе позвала, как только узнала о новом вдовстве сестры. Выдали вдове мужнино содержание и попросили больше в тех местах не показываться.

Марфа жила беднее сестры – детей шестеро, свекровь немощная, почитай, седьмой ребенок, тем более, в отличие от сестры, Марфа была не слишком экономной хозяйкой. На кухне у нее всегда что-то портилось, прокисало, все у нее – то пересол, то недосол. Денег на прислугу жаль было, потому и Евдокия была не в тягость: и по хозяйству подмога, и посудачить есть с кем, и деньги после мужей у нее кой-какие остались.

Дуся, складная да крепенькая, рядом с Марфой была просто красавица – у сестры после родов живот висел, выпирал ниже талии уродливой складкой, одета она была неряшливо, от ее подмышек вечно пахло кислым. А Евдокия всегда одевалась аккуратно, да и природный запах у нее был приятным. Муж Марфы Афанасий, управляющий складами у Кукушкина (была у того кое-какая торговля да пара трактиров в городе), – злобный, как хорек, и на баб такой же жадный, Дуську сразу начал лапать, как только жены не оказывалось рядом. Так прожила она с полгода: с детьми возилась, готовила, отбивалась от Афанасия, да тут сестра попрекать ее стала – то медленно убирает, то Афанасию, мол, глазки строит. В это время и приехал на склады с ревизией Семен Семенович. Афанасий наказал жене да Дуське накрыть стол побогаче и при-

гласил хозяина отобедать: надеялся подпоить – авось барин добрее станет да не заметит его промахов и мелкого воровства. Кукушкин обедать приехал, Евдокию сразу заметил, и обед затянулся. Той тоже понравился хозяин Афанасия, она и так была охоча до любви, а тут уж сколько томилась, мужа сестры к себе не допускала, а мысли грешные от его лапанья пробуждались. Когда Дусю отправили в погребец за кислой капустой, гость вышел вслед за ней. Та заметила его, не пошла в подвал, а заскочила в сарай, прислонилась к стене, стояла и ждала, сама не замечая, как тяжело дышит. Семен Семенович только вошел, она качнулась к нему. Он лишь обнял ее, а она сама жарко прижалась к нему. Он целовал ее, а Дуся скорее начала расстегивать его штаны...

– Пойдешь ко мне жить?

– Отчего не пойти, пойду... – и добавила: – Мужик ты крепкий, – для нее это много значило.

В тот же вечер он увез ее к себе, ничего не обещая, а она ничего и не ждала, кроме ласки да покоя. Как-то незаметно, спокойно, Евдокия навела порядок в доме. Слуги ее признали. Готовить начали вкуснее да экономнее, всегда и везде стало чисто, уютно... А к гостям она не выходила, свое место знала. Постепенно Семен Семенович стал звать ее своей экономкой. Поначалу Кукушкин с ней не церемонился. Девиц у себя оставлял, а то служанку какую приласкает. Дуся молчала. Но потом он признал, что его экономка слаще всех. Особо ему нравилось шлепать ее по толстому заду – какая же дама такое позволит? А она такое обращение принимала за ласку. И сама его хорошо могла приласкать – не гнушалась с ног до головы обцеловать, память всего, потискать. Так и жили.

И вот теперь появилась эта племянница. Даже Евдокии Семен Семенович не говорил о своих планах. Что же, племянница так племянница, но Дуся помнила из его рассказов обо всех хозяйских родственниках – такой племянницы не было. Она кивала, а сама думала: «Кто же она такая, эта „племянница“, зачем она нужна? А вдруг да влюбился в нее, куда тогда мне деваться?» Но Семен Семенович не обращал никакого внимания на девочку, отдав ее во власть Евдокии. И Дуся немного успокоилась. Она занялась устройством барышни, подготовила комнату для нее, посокрушалась бедным гардеробом, да и велела дворовым девкам нашить для нее рубах, да навязать носков и варежек пуховых. А Семен Семенович на время вовсе забыл о Варе, как-то встретив в коридоре чуть было не спросил: «А ты кто такая?» Вовремя вспомнил, а то бы Прошка разболтал бы дворне, а те в деревне, так бы и до соседа дошло.

Вот о щенке хозяин вспоминал каждый день, с утра шел на псарню, полюбоваться на свою драгоценность. С умилением наблюдал щенячью возню. У его борзой тоже были щенки, чуть помладше салюки. Малыши играли вместе, забавно дрались, боролись друг с другом. У Федотова, старого друга Кукушкина, тоже имелась своя псарня, и когда он увидел этого малыша, то так же пришел в неопишуемый восторг и заявил:

– Быть ему чемпионом породы! Кличку ему метко дал! Я бы его назвал не то что графом, а князем! Точно, быть ему чемпионом. Я уверен, он войдет в историю. Эх, Семеныч, продай его мне.

– Да ты что, эту породу не продают, по мусульманским поверьям, салюки продавать нельзя – их либо дарят, либо преподносят в знак особого уважения, – важно говорил Кукушкин, даже мысленно не вспоминая, что сам-то купил щенка.

4. Натаска

Варя, все грустившая о прошлой жизни, страдавшая от предательства самых близких для нее людей, стремилась к одиночеству. Кукушкин, несмотря на свои жестокие планы, был не злым человеком, просто чувства у него были как-то неразвиты, а уж женщина – крепостная была для него вроде телки. Эта девка должна быть веселой и здоровой, чтобы привлечь внимание графа, и потому он предоставил ее самой себе, здраво рассудив, что природа и время вылечат ее тоску. Сам тем временем ломал голову, как же завлечь Воронцова?

Варе ни с кем говорить не хотелось, душу изливать было некому. Она казалась робкой, стеснительной. Все отмалчивалась. Семен Семенович рассказал всем, что у нее умерла мать, девочка осталась круглой сиротой, и все старались бедную сиротку развеселить и не о чем не спрашивали. Рядом с ней была лишь экономка, но хозяин наказал Варе болтать поменьше, да и Евдокия как-то осторожно на нее поглядывала. Потому-то девушка часто бродила в одиночестве по саду, вокруг усадьбы, по унылым припорошенным снегом полям, иногда заходила по проложенным тропкам далеко, мимо березовой рощицы до опушки соседского леса. Все вокруг казалось ей серым, трава торчала местами из-под снега пожухлая, на горках снега и вовсе не было, лишь в ложбинках задерживался. Небось у них на севере снега уж намело! Дети катаются на салазках. Молодежь запряжет лошадей, набьется в сани – весело им в тесноте! И мороз не страшен...

Евдокия все же потихоньку привязалась к девочке, своих-то детей не было, а ей-то уж за тридцать – у каждой женщины в этом возрасте просыпаются материнские чувства. Вот она и принялась опекать Варюху, не столько по приказу, сколько по душевной потребности. Следила, чтоб одета была тепло, чтоб сыта была, выпрашивала, что любит, чего хочет. Заставила Семена Семеновича модные вещицы Варе покупать, всякие заколки да ленты, мол, молодые девушки жить не могут без этого. Присматривала, чтобы разнообразные гости Семена Семеновича руки не распускали – среди них всякие попадались. В общем, играла в мать. И Варя потянулась к ней. Они как-то быстро перешли на ты, называли друг друга по именам, особенно без гостей. Кукушкин потирал руки. Все шло, как он и хотел. Даже Евдокия со своей дурацкой заботой, смешившей его, угодила в точку – создавала семейную атмосферу. Варе он велел присутствовать на всех вечеринках, хоть она и умела себя вести в помещичьем кругу, но лишний раз натаскать ее не помешает.

Так получилось, что Варе жилось здесь, в Никольском, даже лучше, чем дома, у Нестеровых. Там она все же оставалась дворовой девкой, приближенной к хозяевам, а здесь считалась племянницей хозяина. Уж никто не смел погнать ее за яйцами в курятник или посадить перебирать крупу. Никто не крикнет: «Варька, зараза, ты что тут натоптала, снега нанесла, ну-ка бери тряпку, подотри пол!» Прислуга торопилась выполнить ее желания, и сама Евдокия почитала ее почти хозяйкой.

Однажды Варя попросила оседлать лошадь, Семен Семенович разрешил, пусть катается. В этом году снега было немного, и она на лошадке объездила все окрестности усадьбы. Особенно ей понравилась небольшая прозрачная рощица, поднимавшаяся из низинки к вершине холма, к ней вела тропинка меж небольших кустов, разбросанных вокруг. Вдоль этой рощи Варя въезжала на холм и все всматривалась в бесконечные дали. Там и встретила она однажды графа.

Тот по накатанной проселочной дороге объезжал свой лесок вместе с управляющим, или, как он его называл, бурмистром. Граф, поднимаясь из небольшой лошинки, увидел всадницу на холме. Одинокая девушка на маленькой лошадке среди пожухлой травы, голых кустов, чуть припорошенных снегом... Приблизившись, Воронцов склонил голову в поклоне. Девушка ответила так же. Она была совсем молоденькая, робкая. Внимание красавца Воронцова ее сму-

тило. Опустив голову, она быстро проехала мимо. Тот удивился, кто такая? Всех девиц в округе знал, эту же видел впервые. Он машинально отмечал всех привлекательных девушек, не собираясь, впрочем, ухаживать за кем-то особенно. Но просто не в состоянии был не заметить привлекательную незнакомку. Тут граф вспомнил, что соседи говорили о какой-то племяннице Семена Семеновича.

Кукушкин всегда казался ему не очень приятным. Ему не нравились шумные сборища у того. По возрасту Семену Семеновичу уже пристало сидеть с женой на веранде да чай гонять, а он все собирает какую-то сомнительную молодежь. То у него стихи читают, то юнцы начинают захлеб рассуждать о политике. И женщины там появлялись всякие – эмансипированные особы с сигаретами, а то и вовсе пошлые да вульгарные. Откуда только он их привозил?! Несерьезный и хитроватый человек, и друзья у него такие же.

На следующий день Сергей Иванович встретил Кукушкина на ужине у соседей. Тот как всегда раскланялся с ним преувеличенно любезно. «Так, – подумал Воронцов, – сейчас начнет лесок выпрашивать. Вот не отдам ему ни за что, чтобы не приставал, несносный человек». Для приличия нужно было бросить какую-нибудь незначущую фразу. Тут граф вспомнил о всаднице.

– Слышал, племянницу привезли? Не ее ли я давеча встретил верхом на каурой лошадке?

– Это у вашего Терсинского леска? (Все же вспомнил лесок, нашел случай!) Может и моя, – заулыбался Семен Семенович. – Племянница все грустит, осиротела, бедняжка, вот я и позволил ей кататься. А ей нравится это место. Поднимется на холм и стоит, любит. Во Владимирской губернии, у нее на родине, таких картин нет. Там все больше леса стеной, а тут такой простор для глаз.

– Не опасно ли молодой девушке одной по полям ездить?

– Помилуйте, сударь, чего ж тут опасного? Лошадка самая что ни на есть смиренная, а наездница она хорошая. С детства к лошадям приучена. Она у меня сама и оседлать сможет. – Семен Семенович считал, что врать надо как можно меньше, тогда ложь проще скрывать, не так будет заметна. Девка может проговориться, что приучена к хозяйственным делам, а он уж тут все и подготовил, удивляться никто не станет.

– Так ведь одна, вдруг лошадь поскользнется или бродяга какой обидит.

– Да у кого же рука поднимется? Она у нас такая милая, ласковая! Радость мне старику на старости лет. Вот уж истинно, не было бы счастья, да несчастье помогло. Своих детей Бог не дал, так хоть сирота душу мне порадует. – Разливался соловьем Семен Семенович, а про себя подумал: «Пронеси меня, Господи, избавь от такого счастья, иметь детей».

– Да рука, может, и не поднимется, а вот что другое – может, – захихикал постоянный спутник Кукушкина господин Федотов.

Граф терпеть не мог этого типа, а уж эта реплика и вовсе его покорила. Он поклонился и отошел.

Семен Семенович был в восторге. На ловца и зверь бежит! Молодец, Варюха! А он-то думал, что ей надо быть повеселее. Но уж граф, небось, нажился с веселой да яркой. Теперь потянуло на скромненьких. Ишь, как обеспокоился о девчонке. Один раз встретил и запомнил. Вот тебе и крестьяночка! Ну что он за молодец, как славно придумал, похваливал себя Семен Семенович.

В тот же день он послал приглашение на обед Воронцову. Граф поторопился ответить согласием и посетил соседа. Отчего он вдруг пошел к Кукушкину, Сергей Иванович и сам не мог сказать. Не такой уж красавицей, была та девушка. Да и не разглядел он ее, как следует, за пару минут в поле. От нее повеяло свежестью, юностью, так ведь таких много. Но на обед он все же пришел. Девушка, убедился Сергей Иванович, точно та самая. Она была задумчива, грустна, на вопросы отвечала односложно, общества сторонилась.

Почему одни люди притягивают нас, а к другим мы остаемся равнодушны? Что в ее внешности заставило Воронцова поглядывать на нее во все время обеда? Когда, встав из-за стола, все вдруг принялись обсуждать крепостное право и вероятность его отмены, Варя отошла к окну и стояла там, глядя на голый сад. Воронцов подошел к ней. В этот момент господин Федотов громко возмутился:

– Я все понимаю, крестьяне тоже личности, все от одной праматери произошли, перед Богом все равны, но, объясните мне, как ходить в баню? Одному, что ли, без девок? А кто же меня тогда будет парить? И я кого буду «парить»? – Все расхохотались.

Граф заметил, как брезгливо передернулось Варино лицо.

– Простите эту грубость, – извинился граф за Федотова. – Вам не нравится этот спор? Вас не волнуют судьбы крепостных? Вы, наверно, не сталкивались с произволом помещиков в отношении крестьян, если у вас была порядочная семья... Конечно, для молодой девушки тема крепостничества далека. Но разве унылый пейзаж за окном интереснее?

– Мне неприятно слышать все это. Этот господин так вульгарен. Да и остальные не лучше, о крепостных говорят, как о скотине какой-то. А пейзаж за окном скучен, словно карандашный набросок картины, – нет яркости, красок...

– Что же, у вас на родине лучше были пейзажи и собеседники? – граф удивился такой смелости и резкости высказываний.

– Да, пейзажи точно лучше.

– Чем же? Зимой везде краски одинаковы: черная да белая. Везде такая картина.

– Вот и нет. Тут у вас даже не черные и белые, а бурые краски. Везде земля просвечивает. А у нас в эту пору уж снег по колено лежит, в сугробах утонуть можно, а сосны в снегу стоят, словно в шубах. Небо синее, ели зеленые, белый снег на солнце сверкает – красота такая... У нас, точно, все ярче. Да и собеседники интереснее, может, и не умнее, но без всяких пошлостей.

– Как вы, однако, резко с нами разделались.

Графа заинтриговала девушка, прямолинейность ее суждений. А девушка сама не ожидала от себя такой смелости. Щечки у нее разгорелись, смотрит так возмущенно... Сергей Иванович залюбовался.

Он стал заезжать к Кукушкину. Тут уж, старый хитрец, в раж вошел, выписал рояль для Вари и краски с альбомами. Сергея Ивановича надо покрепче зацепить. Пусть увидит, какая она воспитанная, образованная, не только с лошадьми знает. Хотел даже ей камеристку нанять, но потом одумался: лишний человек – лишние уши и язык. Через пару месяцев к Варе вернулась ее природная живость. Внимание графа льстило ей, поднимало настроение. Да и Семен Семенович был доволен, стал лучше к ней относиться.

– Ты, Варька, чтоб не ошибиться, уж если придется что сказать, то говори так, как будто Илья Михайлович и Мария Федоровна твои родители. Но лучше о прошлом вообще не вспоминай. Родители умерли, горе у тебя, говорить об этом не можешь, ясно? – поучал он Варю.

Вот странно, думала она, столько лет мечтала называть Нестеровых своими родителями, мамой и папой, а теперь, когда они отказались от нее совсем, вдруг получила такое право. Как ей обидно казалось в детстве, что Николеньке можно бежать к Марии Федоровне пожаловаться, поплакать, а ей нельзя; что его Мария Федоровна всегда жалеет, а на нее может и прикрикнуть, чтобы не хныкала.

Имения графа и Кукушкина располагались совсем близко, пешком можно было дойти. И Воронцов зачастил в гости, а то гуляет по тропкам все поближе к березовой роще, воздухом дышит, то на лошади прокатится, да все там, где Варю можно встретить. Он все больше увлекался ею. Все-то ему нравилось в ней: и как танцует, и как безудержно смеется, и как играет на рояле – с душой, не просто по клавишам стучит, и с какой готовностью поддерживает

любые забавы. Взятся снабжать ее ногами. Она была так молода, так бесхитростна, ее лицо освещалось такой радостью при его появлении, что впору было самому же ее предупредить: не выказывай, мол, так явно свои чувства. Ему хотелось защищать ее, опекать, и оттого нравилось, как заботится о ней Евдокия. Он и Евдокию оценил, увидев, как она одному хлыщу отпустила пощечину. Граф был случайным свидетелем того, как все тот же господин Федотов попытался обнять ее. Хоть Евдокия и не жена Семену Семеновичу, а блюдет себя. Что же, ей можно доверить Варю.

Снега в эту зиму было мало, уж март наступил, когда пришла настоящая зима, снег выпал и мороз вдруг придавил. В этот день на улице мело, Варя и не думала, что граф приедет по такой погоде, но тот появился. Семен Семенович читал газету, сидя в кресле, Воронцов не стал ему мешать разговорами, а тоже предложил Варе почитать – он принес с собой томик Погорельского. Варя слушала, граф читал вслух «Лафертовскую мельницу». Чтение прерывалось рассказами из жизни: то Варя вспомнила о гадалке, жившей в их деревне, то граф о своем старом конюхе, умеющем предсказывать погоду, – он будто чувствует ее. Потом им надоела эта тема, и они подошли к окну. Варя засмотрелась на поземку, задумалась.

– Как нам с Николенькой нравилась зима! У нас и снега больше было, и мороз сильнее, а казалось теплее – здесь такие ветра, пробирают и без мороза. А дома холода не чувствовали. Катались и на санках, и на коньках, а то еще чум строили. Дворник дорожки чистил и складывал снег в большие сугробы, а мы с Николенькой как-то вырыли совочками в такой большой куче снега нору, свечу принесли и сидели там, как самоеды, в чуме, – такие люди на севере живут. Сидели, пока нянька за нами не пришла.

– Кто это – Николенька? – спросил граф.

– Братец, – сразу ответила Варя, не растерялась, но невольно потупилась, врать было неприятно.

Воронцов позже поинтересовался у Кукушкина:

– А какова семья у Вари? Где ее брат?

– Брат? Какой брат? А, Николая, – сообразил тот, – так студент, учится. Я его не видел, как-то и забыл, что есть такой, – выкрутился он. – Жили мы далеко друг от друга. Как замуж сестру отдали, так и не виделись с ней. Я же тоже уехал из родных мест. Только переписывались. Вот на похоронах и увидел, как сестра жила.

Потом, когда гость уехал, он схватил Варю за руку:

– Что же ты, мерзавка, делаешь? Я ведь велел тебе молчать обо всем! А если б я не сообразил, что ты Николая своим братом назвала? Гляди мне, проболтаешься – высеку. Вот народ, не понимает хорошего отношения. Привыкла к кнуту, так я могу, живо поставлю тебя на место. Не нравится с графом общаться, вон за кузнеца выдам замуж, он одну жену уж забил по пьянке до смерти, пусть и тебя поучит.

Варя испугалась – не видела еще Семена Семеновича в таком гневе, она упала на колени, схватила его руку, принялась целовать:

– Простите, я нечаянно, я не хотела.

– Ну, гляди мне. Да не позволяй, смотри, ничего – никаких поцелуев или прогулок вдвоем, и в комнате не оставайся с ним наедине. Веди себя, как барышня, – все натаскивал он девушку.

Наконец потеплело, пришла настоящая весна. Гости Кукушкина все чаще выбирались в парк. Молодежь с удовольствием устраивала турниры по игре с воланами, гоняла в салки, люди постарше гуляли по дорожкам сада. Варя любила вечерние тихие прогулки. Граф был такой умный, так много знал. Можно было чуть отстать от всех и наслаждаться остроумными разговорами с ним.

До обеда Варя обычно прохаживалась вокруг усадьбы и так потихоньку исходила все окрестности. Она спускалась в низину, все еще подтопленную половодьем. Березы стояли в воде, их длинные белые стволы отражались в ней и казались еще длиннее, а отраженные зеленые верхушки, так же, как и настоящие, тонули в синеве неба. Рошица, подсвеченная небом и снизу и сверху, с длинными стволами берез, казалась еще прозрачнее. А вокруг нее белой каймой цвела черемуха.

В мае уж стало совсем жарко, просто летняя жара, но вечера были прохладные. Когда Варя выходила прогуляться, Дуся бежала следом с шалью.

– Барышня, накиньте шаль.

– Да не холодно мне, Дусенька.

– Как не холодно, разве без жира косточки греют? И кушать ничего не хочет, и не оденешь ее. Да стойте же, Варенька.

Она догоняла Варю, пыталась набросить шаль на плечи, а та в последний момент делала вид, что пугается. Смешно всплескивала руками и суматошно, как испуганная курица, кидалась в сторону. Дуся и смеялась, и злилась – бегать ей совсем не хотелось. Как – то граф забрал у нее шаль:

– Я сам с нею справлюсь...

Он улыбнулся, глядя на Варю, потом грозно окликнул:

– Варвара! Стой!

Варя покорно остановилась. Граф в несколько шагов догнал, накинул на плечи шаль и медлил, не отпускал концов. Варюша засматрелась в его потемневшие глаза. И потом ночью мечтала о поцелуе. Она влюбилась бесповоротно. Для неопытной девушки встреча с таким красавцем-сердцеядом была просто роковой. В ней и кокетства не было, ей бы в догонялки еще побегать со сверстниками, а она влюбилась.

Но иной раз и от графа убегала.

– Вот резвится, замуж пора, о она ну, дитя, не набегалось еще, и откуда столько сил берется, чтобы так носиться, ест как воробышек, – добродушно ворчал Семен Семенович.

Правда, граф не всегда понимал о ком Кукушкин говорит – то ли о Варе, то ли о щенке.

Щенок совсем уж вырос, теперь он был ростом со взрослого пса, только повадки оставались щенячьими – так и носился кругами, стоило его только взять с собой. Для начала он обегал вокруг всего сада, время от времени приближаясь к хозяину. Потом, то резвился среди гостей, то стрелой уносился прочь, напрямик, по газонам, приводя в тихий ужас садовника. Семен Семенович, с удовольствием наблюдая за его забавами, все больше привязывался к своему салюки.

А Евдокия подмечала, как Воронцов смотрит на Варю, – видно было, что он любит ее, как ищет ее глазами, стоит ей только отойти. Ни разу не заметила она и доли неудовольствия в его лице – граф явно считал Варю лучше всех.

Вечером, зайдя перекрестить ее на ночь, Евдокия шептала Варе:

– Быть тебе графинюшкой.

Варя краснела, накрывалась одеялом с головой.

Чтобы не оттолкнуть чем-то графа, Семен Семенович стал даже меньше приглашать неприятных тому людей. Но все равно гостей было много. Лишь изредка случалось, что Сергей Иванович приезжал, а кроме него гостей не было, и в такие дни он и Варя с удовольствием читали вслух. Воронцов был поклонником Пушкина. Варя же только сейчас услышала «Евгения Онегина».

«Привлечь насмешливые взгляды!..

О страх! Нет, лучше и верней

В глуши лесов остаться ей»

Прочтя эти строки, Варя тут же припомнила, с каким страхом ехала она в поместье Кукушкина в образе его племянницы, словно на экзамен, как боялась она произнести лишнее слово, чтобы ненароком не проговориться. А Воронцову нравились другие строчки, написанные словно о нем:

«В красавиц он уж не влюблялся,
А волочился как-нибудь;
Откажут – мигом утешался;
Изменят – рад был отдохнуть».

Да, точно, последние года он так и жил, со смертью Полины пропал огонь в его душе:

«Мечтам и годам нет возврата;
Не обновлю души моей...»

И тут он соглашался с Пушкиным, немного бравируя перед самим собой. Но, главное, и Варе, и ему нравились не столько стихи, сколько то, что они вместе их читали.

Воронцов до сих пор ничего не знал о семье, детстве Вареньки. Сергею Ивановичу хотелось вызвать ее на откровенность. Он специально начал рассказывать, как жилось ему в детстве, как он мальчишкой любил мечтать о путешествиях в далекие страны, как представлял себя верхом на слоне или верблюде. Его тактика сработала, и Варе вспомнилось что-то.

– Ой, мы тоже с Николенькой мечтали о путешествиях. Бывало, нянька спать нас уложит и уйдет, а Николенька прибежит, и мы снова с ним выдумываем что-нибудь, про всякие острова с пальмами. Пока нянька не вернется. Начнет грозить, что пойдет к барыне и все расскажет, тут Николенька закричит: «Все, Дарьюшка, все, я уже бегу» – и убежал. – А то как-то... – Варя замялась, неловко ей было лгать графу, а потом все же сказала: – Батюшка сильно захворал, все боялись, как бы не помер. Для него достали варенье малиновое, а нам не дали. Так мы с Николенькой ночью вдруг проснулись, и так захотелось этого варенья! Пошли на кухню, достали банку, ложку и стали есть по очереди. Утром маменька пришла в детскую и говорит: «Я всю ночь молилась царице небесной, чтобы послала исцеление вашему батюшке, чтобы пожалела деток, не оставила их сиротами. А в это время кто-то пришел на кухню и съел варенье, приготовленное для батюшки. Этому человеку, видно, было невдомек, что с каждой ложкой варенья он совершает сразу несколько грехов – грех непослушания, грех воровства и грех чревоугодия. Пусть же тот, кто так грешил, завтракать сегодня не идет, а вместо этого молится перед образами и просит прощения за свои грехи и здоровья батюшке». Она больше ничего не говорила, а мы с Николенькой встали на колени и по десять раз прочитали «Отче наш», просили здоровья батюшке и прощения за наши грехи. И к завтраку мы не пошли. Еле-еле дождались обеда, съели и лапшу, и курицу, а когда подали оладьи с вишневым вареньем, так мы его есть не смогли. А уж малиновое варенье до сих пор мне стыдно есть.

– Строга у вас была матушка. Во что же вы еще играли?

– Да больше в мальчишеские игры, на саблях дрались.

– Как на саблях?

– Да нам Прошка выстругивал деревянные, – отвечала она, но как-то поникла. Боялась проговориться.

Сергей Иванович пожалел, что начал расспрашивать. Придет время, и сама все расскажет, решил он, а пока девушка еще слишком переживает смерть матери, потому и не любит рассказывать о прошлом. Прощаясь, он поцеловал ее руку и не отпускал, глядя ей в глаза. И уж наклонился поцеловать ее в губы, да заметил Семена Семеновича. Граф отпрянул, простился с Кукушкиным и ушел. Вечером, когда Варя в одной ночной рубашке молилась на коленях перед иконой в своей комнате, Семен Семенович вошел к ней с хлыстом в руке.

– Ты что, хочешь мне все дело испортить? Ты почему целуешься с посторонним мужчиной?

– Нет, нет, я не целовалась...

– Ну он хотел тебя поцеловать, я сам видел, а ты и не против была, позволила ему держать тебя за руку. Я же тебе говорил: веди себя строго, как барышня благородная, а не холопка. Ты уж готова целоваться с ним! Не понимаешь слов, буду наказывать, – и он сильно хлестнул ее плетью по спине несколько раз.

Варя вскрикнула, дверь была открыта, Евдокия услышала, прибежала.

– Батюшки, Семен Семеныч, да за что же это вы ее?

– Ах ты, потатчица, прибежала! И ты сейчас получишь! – он и ее хлестнул. Евдокия лишь лицо успела прикрыла руками, след так и вздулся у локтя. – Знаю я вас, чуть мужик поманит, уже готовы ноги раздвигать. Уже на сеновал полезла. Что ни свадьба в деревне, то невеста пузата. Смотрите мне, а то буду учить каждый день. Сейчас не выдрессируешь, потом будет поздно.

– Семен Семеныч, голубчик, да что же вы сироту обижаете?

– Сироту? Да хоть и сирота, но блюсти себя должна строго.

Семен Семенович сильно был зол, что называется, вошел в раж, не мог так сразу остановиться и еще пару раз хлестанул Варьку. Хлестал не для вида, а со всего размаха, от души. Сквозь ночную рубашку проступили рядом капельки крови.

– Вот так, чтобы было что помнить. Испортишь дело, не сможешь вести себя достойно, каждый день порку будешь получать. Не дай Бог, граф откажется!

Он ушел. Варя плакала. Куда ей деться? Вон, Евдокия – свободная, терпит все, хотя могла бы уйти в любой момент. А крепостной и вовсе на роду написано сносить все обиды молча. Дуся обнимала ее и гладила по голове.

– Не плачь, милая, не плачь.

– Он со своими собаками лучше обращается, чем со мной!

– Конечно, с ними лучше, он же только их и любит. Ну да ничего, потерпи. Зато тебя граф любит, возьмет тебя в жены, и станешь графиней, и забудешь про все это, – Дуся как-то свыклась с мыслью, что Варя племянница Кукушкину, и верила, что та и в самом деле может выйти замуж за графа.

На следующий день, пропуская Варю в дверях, граф невзначай коснулся ее спины. Варя вздрогнула и скривилась от боли.

– Что с вами?

– Да вчера нитки уронила, клубок закатился под кровать, а я доставала да и стукнулась.

Семен Семенович внимательно прислушивался к их разговору...

Как-то граф приехал к Кукушкину со своим другом. Лев Абрамович Немцов, тех же лет примерно, что и Сергей Иванович, служил в департаменте и занимал там уже хорошее место. Это был очень серьезный целеустремленный человек, мечтающий жениться на хорошем приданом, сделать карьеру, родить кучу детей – ему нравились большие семьи. В столице у него были хорошие связи, и ему прочили скорый перевод туда. Сергей Иванович давно с ним был знаком, сначала это было чисто деловое знакомство, которое вскоре переросло в дружеские отношения. Мнением Льва Абрамовича граф очень дорожил и хотел посмотреть, какое впечатление произведет на него Варя. Тем более, что накануне произошла такая история: они вместе были на последнем приеме у его превосходительства Н.А., и Лев Абрамович видел, как был обласкан граф: Н.А. дружески пенял ему, что пора, мол, жениться, невест-то полно, и при этом кивнул в сторону окна, там стояли его жена с дочерью. Тогда Лев Абрамович позавидовал графу, это была отличная партия: хорошенькая, юная и очень богатая девушка. К тому же, единственная дочь такого отца. А Сергей Иванович лишь отшутился, что дела заели, некогда, да сделал комплимент:

– Дочь у вас красавица, ну а жена-то какова: и не скажешь, что мать, – стоят рядом, как сестры.

Немцов был поражен поведением графа. К таким намекам нормальные люди относятся очень серьезно. Он знал, что граф увлекся племянницей Кукушкина, к тому времени Воронцов почти перестал посещать приемы, вечера, а свободное время большей частью проводил у своего соседа. Но, на взгляд Льва Абрамовича, не существовало такого Кукушкина, родственница которого могла бы помешать браку с дочерью Н. А. Он весь оставшейся вечер у его превосходительства не переставал в душе удивляться непрактичности Воронцова и чуть-чуть завидовать графу. В конце концов он не выдержал и спросил:

– Неужто племянница Кукушкина лучше, чем дочь его превосходительства? Ну так тогда я займусь этой дочуркой. Вдруг мне повезет, если ты не против, – спрашивал с улыбкой, а смотрел серьезно.

– Желаю удачи.

– Ты не шутишь? Партия уж очень завидная. Да и девушка хороша собой. Смотри, чтобы без обид.

– Я выбор сделал.

Ладно бы граф пошутил, но тогда он не позволил бы ухаживать за богатой наследницей. Немцов что-то слышал о первой женитьбе графа не очень приятное, но точно не помнил, в чем там было дело. Видно, граф не может устоять перед женщинами, решил он.

И вот теперь он увидел эту Варю. Она услышала голоса и с нетерпением ожидала графа, стоя посреди гостиной. Лев Абрамович вошел в комнату первым. Он был очень наблюдательным человеком и потому отметил тень разочарования, пробежавшую по лицу Вари, когда она увидела вместо графа незнакомца. Отметил он и то, как оно озарилось радостью, когда наконец появился Сергей Иванович, как просияли ее глаза. Она с трудом оторвала свой взгляд от него и перевела на незнакомого человека, когда ей представили Немцова. Ей явно никто, кроме Воронцова, сейчас был не нужен, но она приветливо и мило заговорила с гостем.

Как вчера Немцов был уверен, что жениться необходимо по расчету, так сейчас он, быстро поменяв свое мнение, уверился, что жить надо с такой вот Варенькой. И он во второй раз позавидовал графу. Вчера еще дивился его непрактичности, а сегодня думал: «Да неужели я сам не заработаю, сколько мне надо!» А что за чудо, эта Варя, ясная, – да, это слово больше всего подходило ей. Вот с такой бы прожить всю жизнь, приходить домой со службы и видеть эту радость на лице, искренность... Теперь он понимал Воронцова.

Наступило лето. Часто шли дожди, а потом, после дождя, припекало солнце, оттого дни стояли теплые, паркие. В полдень над землей марево поднималось.

Семен Семенович был доволен: все шло по плану. Наблюдая исподтишка за графом, он все больше уверялся в успехе своей затеи, и оттого, представляя радостное изумление Воронцова, когда тот получит необычный подарок, хихикал в одиночестве, потирал руки, сам восхищался своей изобретательностью. «Ну ты и ловкач, ну ты и шельмец, Семен Семенович!» – говорил он себе. Ему стоило больших трудов сдержаться и не рассказать ни единому человеку о своей затее, но доверять в таком деле нельзя никому: народ вокруг ненадежный, тут же начнут болтать, обязательно кто-нибудь проговорится, испортит всю шутку. Тут ведь все дело в неожиданности. Если граф заранее узнает, что Варька крестьянка, так и никакого сюрприза не выйдет, и уж точно не влюбится, сразу вся ее привлекательность исчезнет «Ничего, потерпи еще» – уговаривал себя шутник. Ну уж потом он вволю насмешит своих друзей, тогда все будут дивиться его находчивости и уму. Будут друг дружке рассказывать: «Вот так штуку отмочил Семен Семенович! Вот удружил!»

В гостях у Кукушкина в этот день были господин Федотов, да другой сосед, толстяк Василий Иванович. Сидя после обеда в затемненной прохладной комнате, они обсуждали особенности натаски борзых. Шевелиться господам в такую жару не хотелось. Они уж нагулялись у псарни, налюбовались на салюки Графа. Молодые щенки борзых баловались на псовище,

катались по траве. Граф выделялся статью, он все время стремился проявить свое превосходство над другими щенками и наступал лапами на их спины.

Молодым людям не сиделось, скучно было такой день проводить рядом со стариками, Сергей Иванович и предложил:

– Господа, такой день славный! Не прокатиться ли нам верхом?

– Ну уж нет, сударь, увольте, в самую жару, да после обеда, да верхом! Это вы вот с Варенькой молодые, вам и жара нипочем, езжайте. А мы тут по-стариковски посидим, подремлем. – Семен Семенович решил, что пора чуть-чуть подстегнуть отношения – пусть вдвоем покатаются. Он был уверен, что Варька и с лошади слезть не рискнет: запомнила, как он ее отстегал кнутом.

Кукушкин и не представлял, как сильно ошибается. Сам он никогда так не влюблялся и не знал, каким непреодолимым бывает это чувство. Никакие угрозы сейчас не остановили бы Варю. Это формально она была его собственностью, но на деле всей душой принадлежала графу. Что там порка! Да если бы граф приказал ей взойти на костер, она пошла не задумываясь и с радостью, и сгорела бы собственность Семена Семеновича синем пламенем. Природная стеснительность и сдержанность только и останавливали ее, но их легко мог преодолеть Сергей Иванович, захоти он этого. Обними он ее хоть раз, и она не смогла бы сказать ему «нет», растаяла в его руках. Варя вся сейчас была – одна только любовь. Ею она и жила. Прекрати граф приезжать, и она бы заболела. Забывала она обо всем, когда видела Воронцова: и о порке, и о самом Семене Семеновиче тоже.

Сергей Иванович вопросительно взглянул на Вареньку, она тут же радостно кивнула ему и помчалась распорядиться о лошади. Пока граф задержался в гостиной, прощаясь с хозяином и его гостями, Варенька успела сбегать на конюшню, велела седлать ее лошадку и уж выезжала к нему с заднего двора. Они поскакали к лесу. Солнце и в самом деле палило нещадно. Поднявшись на холмик, всадники остановились. Было жарко и душно. Над землей плыло марево. Неумолчно звенели кузнечики. А перед ними открывался такой простор, такая красота! Зеленый ковер травы в рамке березовых лесочков. Серебряные мазки ковыля среди темной зелени травы. Его нежные длинные пряди ни на секунду не переставали колыхаться, ловя еле уловимый ветерок. Вдоль проселочной дороги пестрели полевые цветы.

– Сегодня к ночи гроза будет.

– Откуда вы знаете? В небе нет ни облачка.

– Конюх у меня, старик, предсказывает погоду, у него свои какие-то приметы есть. Да я вам рассказывал о нем. Вот и сегодня объявил грозу.

– Сергей Иванович, неужели господь только для человека создал всю эту красоту?

– Да и не каждый человек, Варенька, замечает ее. Иной пройдет и не увидит ничего, подумает только, что косить пора, а уж чтобы наклониться к травинке, посмотреть, как на ней покачивается букашка, так, небось, за всю свою жизнь ни разу и не наклонился, разве только когда совсем мальцом был.

– А я думаю, что все это не только для нас, птицы и звери тоже любят на эту красоту.

– Да что же наши лошади сейчас не любят, а траву вон щипать начали?

– Так и вы давеча любовались клубникой за обедом да всю и съели! У зверей жизнь трудная, не могут они, как мы, долго разглядывать окрестности. Может, зайчик и полюбовался бы, да лисы боится.

Граф засмотрелся на Вареньку, так она была сейчас хороша: щечки покраснелись, пот выступил на лбу и волосы разлохматились. Ему все было мило в ней. Никого до нее он так не любил. Так она была желанна, что иной раз у него аж в паху ломило.

– Варенька, я люблю вас.

Варенька никак не ожидала сейчас признания в любви, она подумала, может, это он так сказал, просто оттого что им сейчас было хорошо и вокруг все такое красивое? Она растерянно смотрела на него.

– Если вы согласны стать моей женой, так я нынче же буду просить вашей руки, вечером, когда гости Семена Семеновича разъедутся. Что же вы молчите?

– Я согласна, – у Вареньки от смущения слезы выступили на глазах.

Графу хотелось обнять ее и целовать, целовать. Но он боялся испугать ее своей страстью, она, небось, и не целовалась ни разу, разве только в щечку нечаянно кто чмокнул, угадал он.

– Я провожу вас, – граф боялся, что не сдержит больше своих чувств. Проводив Вареньку до имения Кукушкиина, он поскакал во весь опор. Домой он сейчас не мог ехать. «Боже, прости меня! И я еще роптал, считал себя обиженным! Да, видно, надо было пережить раннюю смерть родителей и мою неудачную женитьбу, и смерть Полины, чтобы заслужить Вареньку. Господи, как ты милостив ко мне! Этот дар перевешивает все несчастья в моей жизни. Как же мне жить, чтобы быть достойным этой милости, что мне сделать?» Так он думал и скакал по проселочной дороге. Воронцов был полностью убежден, что поступает правильно: именно такая жена ему и нужна. Приданое его не интересовало. Он твердо решил просить ее руки.

– Сегодня же буду говорить с Семен Семенычем.

Вернувшись домой, объявил своему бурмистру:

– Пожалуй, женюсь.

– Это дело, давно пора. Славная девушка, племянница господина Кукушкина, – тот сразу понял, о ком речь. Слуги-то их давно поженили...

5. Сватовство

Варенька после расставания с графом тоже места себе не находила. Она поднялась к себе и металась по комнате, не могла ни сидеть, ни лежать. Ее переполняло счастье. И мысли у них были сходны. Сергей Иванович самый лучший человек в мире, считала она. Он и красив, и умен, и ласков, и весел, и добр не только к ней, но и к слугам – она не раз слышала, как он разговаривает с ними, спокойно давая указания. К тому же, богат. Она так же, как граф, думала, что господь милостив к ней, что, верно, не зря ей были посланы испытания – разлука с Нестеровыми, их предательство. Сейчас она им все простила. Если бы не они, она не встретила бы графа. Как правильно сделал Илья Михайлович, что отправил ее с Кукушкиным. Чем заслужила она такое счастье, такую любовь? Разве она, крестьянка, достойна графа? Дуся заглянула к ней в комнату.

– А что это ты, Варюша, одна, не выходишь из комнаты? Да ты прямо светишься, что случилось?

– Сергей Иванович нынче будет просить моей руки, – Варя аж подпрыгивала, сообщая эту новость Дусе.

– Ах ты, господи, да неужто! Вот радость, дождались... Давно я тебе говорила, а ты все слушать меня не хотела.

Варенька подбежала к ней и обняла, и расцеловала.

– Ах, Дусенька, как я счастлива! Только ты заранее никому не говори. И ужин принеси мне сюда, а то если я выйду, все сразу догадаются, да я и есть там не смогу.

Варенька пританцовывала, кружилась по своей комнатке. Вся лучилась от радости! Дуся принесла ей поесть, сказав, что у Вари болит голова. После ужина Семен Семенович вышел провожать гостей. Варя смотрела, как они прощались, как подали им коляску. Она все ждала у окна и наконец услышала голос Сергея Ивановича. Дальше оставаться в своей комнате она не могла, выскользнула через заднее крыльцо и через дыру в заборе побежала к березовой роще. Дуся лишь глянула ей вслед. Вот шальная, побежала, а как же благословение?

Граф специально пришел пешком, чтобы еще раз по дороге подобрать самые убедительные слова, чтоб ему не отказали. В тот момент, когда Варя выскользнула в сад, граф вошел в дом. Дуся его встретила сияющая, он понял, что Варя сказала ей новость.

– Проходите, сударь, проходите! Семен Семеныч, к вам его сиятельство, – она провела его в гостиную. – А Варенька опять пошла прогуляться...

И она отправилась звать хозяина.

– Сергей Иванович пришел...

– А что это ты так сияешь? Он тут каждый день бывает и уж с утра побывал.

– Свататься они будут... – не удержалась Евдокия.

Семен Семенович поспешил к гостю.

– Проходи, Сергей Иванович, проходи. А Варюха опять убежала, непоседа. И как не устает, только же верхом каталась, к ужину не вышла: сказали – голова болит... А теперь прогулка опять, значит, ей нужна, – пожурил Варю Семен Семенович. – Садись, Сергей Иванович, садись сюда, тут будет удобнее. Дуся, принеси-ка нам лафитничек да рюмки.

Разговор оказался недолгим, гость и садится не стал, прошелся по комнате, собираясь с духом. Евдокия сказала правду – Сергей Иванович с ходу попросил руки племянницы. Речь его была взволнованная, прочувствованная.

– Я понимаю, времени после похорон прошло мало, да и молода она совсем. Вы, наверно, беспокоитесь, может ли молодая девушка трезво оценить сейчас свои чувства, но я-то уже много чего повидал в жизни и могу судить здраво. Я ее люблю всей душой и уверен, что и она меня любит. Я убежден, что такие чувства невозможно сыграть, в ней ведь нет ни капли лжи –

что на сердце, то и на лице. И обещаю, Вареньку не обижу, все сделаю для ее счастья. Да разве у кого поднимется рука обидеть такое чистое, такое искреннее, правдивое существо?!

Кукушкин выслушал слова Сергея Ивановича и просиял от радости. Да, он рад будет ее отдать, если граф согласится продать лесок. Воронцова покорило это нелепое, неуместное условие. Но он лишь в недоумении кивнул в ответ.

– Точно, обещаете, продадите? – настаивал хозяин.

– Слово чести.

И тогда, давясь от смеха, Семен Семенович предложил ему забрать Варю просто так, без всякой свадьбы. Он рассказал, что Варька-то, просто крестьянка, изображала его племянницу. Что он выиграл ее в карты и приказал играть эту роль. Теперь дарит ему.

– Вы же говорили – сирота... – растерянно произнес граф.

– Да какое там, живы небось родители, пашут где-то на севере. Сестра моя как раз умерла, вот и пришло на ум, что, вроде как ее девочка осталась. Она даже из другой деревни. У друга выкупил, проездом. Ее да салюки. И ведь ни разу не проговорились – хитра, бестия.

– Она так натурально все рассказывала о своем братце, о матери, батюшке...

– Да уж, молодец, артистка! Моя школа. Уж как я ее натаскивал, учил. Но смышленная, ничего не скажешь, смышленная. Да и росла в господском доме, оттуда все пошло. Можешь забрать ее сейчас же, она гуляет где-то в поле, встретишь и забирай! Вещи ее пришлю утром. Ну, как мой сюрприз? Лесок-то, не забудь, обещал. Поменялись, так сказать.

– Считайте он ваш.

Граф поклонился и ушел, не сказав больше ни слова. Не такого ожидал Семен Семенович, тем не менее, его радости это не испортило.

– Дусенька, новость у меня какая: лесок-то мой! – радостно вскричал он, лишь дверь закрылась за графом.

– Продает?

– Продает, продает! За Варюху.

– Что же, руки попросил?

– Просил, а я ему: а пожалуйста, примите презент, берите Варьку. А мне только лесок продайте. А он мне говорит: да бери его, этот лесок.

– Как презент? Варю подарил? Как подарил? Мыслимо ли, Семен Семенович, говоришь, племянницу подарить? Без свадьбы, что ли?

– Да какая там свадьба, какая племянница! Она же крепостная, выиграл я ее в карты. А теперь вот подарил.

Дуся так и села.

– Господи, вот горе-то.

– Какое же горе? Лесок он мне пообещал, а уж граф слова не нарушит, не такой он человек.

– А что же Варя?

– Варя? Не знаю. Я сказал ему, чтобы прямо сейчас и забирал, гуляет она где-то, как встретишь, говорю, так и забирай. Да ты что, не догадывалась разве, что она не родня мне? Я же видел, ты не поверила, когда я привез ее. Утречком вещички ее отвези, нам-то они ни к чему...

У Дуся на глазах показались слезы, она вышла на кухню. Варя для нее почему-то стала самой большой привязанностью в жизни, словно дочка. Ну что же, может, еще все и обойдется, будет и Варя жить при графе, как сама Евдокия живет при Кукушкине. При этой мысли слезы полились еще сильнее.

Семен Семенович ушел на псарню. Граф—салюки все ластился к сучке—дворняжке. Жаль было ее выгнать, умная псина, а уж давно пора. У дворняги была течка, и кобелька неукротимо тянуло к ней. Он так и вынюхивал ее. А она явно выделяла Графа.

– Эх ты, голубая кровь! Не чуешь, что ли, она тебе не пара, – укорял пса хозяин. – Подберу тебе достойную сучечку. Расшибусь, а найду салюки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.